

ПРЕДИСЛОВИЕ

Будучи офицером французской армии, я принимал участие в осаде Сарагосы. Через несколько дней после завоевания этого города, оказавшись в одном из отдаленных его кварталов, я обратил внимание на домик довольно изящной архитектуры, который — это было сразу видно — французские солдаты еще не успели разграбить.

Подстрекаемый любопытством, я подошел к двери и постучал. Она оказалась незапертой — я слегка толкнул ее и вошел внутрь. На мой зов никто не откликнулся; поиски не дали результата: в доме не было ни души. Казалось, что из дома вынесли все ценное, на столах и в шкафах остались одни ненужные безделицы. Только в углу на полу я увидел несколько исписанных тетрадей. Перелистал их. Рукопись была испанская; хоть я очень слабо знал этот язык, но все же понял, что нашел что-то интересное: рукопись содержала повествование о каббалистах, разбойниках и оборотнях. Чтение необычайных историй казалось мне прекрасным средством рассеяния среди походных трудов. Решив, что рукопись навсегда утратила законного владельца, я без колебаний взял ее себе.

Через некоторое время нашей армии пришлось оставить Сарагосу. К несчастью, я оказался в стороне от главных сил и, вместе со своим отрядом, попал в руки противника. Я думал, что пробил мой последний час. Когда нас привели на место, испанские солдаты стали делить наше имущество. Я попросил, чтобы мне оставили один только пред-

мет, не представлявший для них к тому же никакой ценности, а именно — найденную мной рукопись. Сперва они не соглашались, но потом попросили указаний командира. Тот, кинув взгляд на тетради, лично поблагодарил меня за то, что я спас произведение, очень для него важное, так как в рукописи речь шла об одном из его предков. Я объяснил, каким образом драгоценные тетради попали ко мне в руки. Испанец взял меня к себе на квартиру, хорошо со мной обходился, и я довольно долго прожил у него. По моей настоятельной просьбе он перевел рукопись на французский язык, а я точно записал его перевод.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

До того как граф Олавидес заселил Сьерра-Морену, в этих неприступных горах, отделявших Андалузию от Манчи, жили контрабандисты, разбойники и небольшое количество цыган, о которых шел слух, что они пожирают трупы убитых путников. Отсюда, может быть, возникла испанская пословица «Las gitanas de Sierra-Morena quieren carne de hombres»*. Мало того. Говорили, что путешественника, решавшегося вступить в эту дикую местность, преследовали тысячи ужасов, один вид которых приводил в трепет самых смелых. Он слышал голоса плачущих, мешающиеся с шумом горных потоков, его манили блуждающие огни и невидимые руки под свист бури толкали в бездонную пропасть.

Правда, на этой страшной дороге можно было изредка встретить какую-нибудь венту, то есть уединенный трактир, но духи, еще более дьявольские, чем сами трактирщики, заставляли последних уступать им свои места и удаляться в края, где только голос совести нарушал их покой, и трактирщики, выбирая из двух зол меньшее, предпочитали иметь дело со вторым, то есть с совестью. Трактирщик из Андухара клялся святым Иаковом Компостельским, что в рассказах этих нет ни слова неправды. И в заключение прибавил, что лучники святой Германдады всегда отговариваются от походов в горы Сьерра-Морены,

* Двусмысленная фраза, которую можно перевести либо как «Цыганки Сьерра-Морены любят человеческое мясо», — либо как «Цыганки Сьерра-Морены любят мужскую плоть» (*исп.*).

а путешественники предпочитают дорогу на Хаэн или Эстремадуру.

Я ответил ему на это, что такой выбор может прийтись по вкусу заурядным путешественникам, но если король дон Филипп V удостоил меня звания капитана валлонской гвардии, священный долг чести повелевает мне ехать в Мадрид кратчайшей дорогой, будь она хоть самой опасной.

— Молодой господин мой, — возразил трактирщик. — Позвольте мне обратить внимание вашей милости на то, что ежели король удостоил вас звания капитана, прежде чем наилегчайший пушок оказал такую же честь подбородку вашей милости, то было бы уместным прежде всего доказать свое благоразумие, — тем более что уж ежели злые духи облюбуют себе какое-нибудь место...

Он напел бы мне еще с три короба, но я дал шпоры коню и умерил его бег, только когда решил, что слова трактирщика уже не дойдут до меня. Тут, обернувшись, я увидел, что он машет руками, указывая мне дорогу на Эстремадуру. Мой слуга Лопес и погонщик мулов Моски-то глядели на меня с состраданием, как будто разделяли предостережения трактирщика. Я сделал вид, словно ничего не понимаю, и пустился в чашобу — туда, где позже возникло селение под названием Ла-Карлота.

На том месте, где теперь почтовая станция, тогда находилось пристанище, хорошо известное погонщикам мулов, которое они называли Лос-Алькорнокес, то есть «Пробковые Дубы», так как два прекрасных дерева этой породы осеняли там отделанный белым мрамором обильный источник. Это был единственный водопой и единственная тень, какие можно было найти от Андухара до трактира Вента-Кемада, большого и удобного, хоть и стоящего в пустынной местности. Собственно говоря, это был старинный мавританский замок, приведенный в порядок по распоряжению маркиза Пенья Кемада, откуда и название Вента-Кемада. Позже маркиз сдал замок в наем одному горожанину из Мурсии, который устроил там самый большой на этой дороге трактир. Путешественники утром вы-

езжали из Андухара, съедали в Лос-Алькорнокес имевшуюся у них провизию и ехали ночевать в Вента-Кемаду. Там они нередко проводили весь следующий день, готовясь к переходу через горы и запасаясь новой провизией.

Таков был и мой план.

Но когда мы приближались к «Пробковым Дубам» и я напомнил Лопесу о том, что пора подкрепиться, оказалось, что Москито куда-то пропал вместе с мулом, навьюченным всеми нашими запасами. Лопес ответил, что погонщик отстал от нас на несколько сотен шагов, чтобы поправить вьюки. Мы подождали его, потом проехали немного вперед, потом опять остановились, стали звать его, потом вернулись той же дорогой, думая найти его, но — напрасно.

Москито исчез и увез с собой драгоценнейшую нашу надежду, то есть весь наш обед. Я с вечера ничего не ел, а Лопес все время жевал взятый в дорогу тобосский сыр, однако от этого ему было ничуть не веселей моего, и он ворчал себе под нос, что андухарский трактирщик был прав, и бедного Москито, видно, унесли черти.

Приехав в Лос-Алькорнокес, я увидел возле источника корзинку, накрытую виноградными листьями, наверно, забытые кем-нибудь из проезжих фрукты. С любопытством запустив в нее руку, я обнаружил там четыре отличные фиги и апельсин. Две фиги я хотел отдать Лопесу, но он поблагодарил и отказался, говоря, что может подождать до вечера. Тогда я съел все сам, а потом захотел напиться воды из источника. Но Лопес удержал меня, утверждая, что после фруктов пить воду вредно, и подал мне оставшееся у него небольшое количество аликанте. Я принял угощение, но, как только вино оказалось в желудке, у меня вдруг защемило сердце. Небо и земля закружились перед моими глазами, и я наверняка потерял бы сознание, если б Лопес не поспешил мне на помощь. Он привел меня в чувство, сказав, что я не должен удивляться и что дурно мне стало от голода и усталости. В самом деле, ко мне не только вернулись силы, но я даже почувствовал необычайное возбуждение. Окрестности, казалось, засверкали тысячью красок, предметы заискрились у меня в глазах, словно звез-

ды летней ночью, а кровь стремительно побежала по жилам, застучав в висках и на шее.

Лопес, видя, что я пришел в себя, возобновил свои жалобы:

— Ах, зачем не послушался я брата Херонимо Тринидадского, монаха, проповедника, духовника и оракула нашего семейства. Недаром он, будучи шурином пасынка невестки отчима моей мачехи и, таким образом, ближайшим нашим родственником, не позволяет, чтобы у нас в доме что-нибудь делалось без его совета. А я поступил по-своему и вот — получаю по заслугам. Как часто толковал он мне, что офицеры валлонской гвардии — сплошь еретики, о чем ясно говорят их светлые волосы, голубые глаза и румяные щеки, — ведь у добрых христиан цвет лица, как у мадонны из Аточы, которую написал святой Лука.

Я прервал этот поток дерзостей, приказав Лопесу подать мне двустоволку и остаться при лошадях, а сам решил взобраться на одну из окрестных скал в надежде обнаружить заблудившегося Москито или хотя бы его следы. В ответ Лопес залился слезами и, кинувшись к моим ногам, стал заклинать ради всех святых не оставлять его одного в таком опасном месте. Тогда я решил остаться самому с лошадьми, а Лопеса отправить на розыски Москито, но это намерение испугало его еще больше. Однако в конце концов я привел ему столько убедительных доводов, что он позволил мне уйти и, вынув из кармана четки, начал усердно молиться.

Горные вершины, на которые я решил подняться, находились гораздо дальше, чем мне показалось на первый взгляд, и, для того чтобы добраться до них, я потратил не меньше часа. Поднявшись на макушку горы, я увидел под собой дикую и пустую равнину, без малейших следов человека, зверя или какого-нибудь жилища, каких-либо дорог, кроме той, по которой я приехал, и вокруг — глухая тишина. Я нарушил ее криком; мне ответило только эхо вдали. В конце концов я вернулся к источнику, где нашел своего коня, но Лопес... Лопес исчез бесследно.

Передо мной было два пути: либо обратно в Андухар, либо дальше, вперед. Выбрать первое мне даже в голову не приходило; я сел на коня и, пустив его крупной рысью, через два часа выехал на берег Гвадалквивира, который не разливается здесь тем великолепным спокойным потоком, каким он омывает стены Севильи. При выходе из гор Гвадалквивир мчится быстрой стремниной, не зная дна и берегов, колотясь волнами о скалы, на каждом шагу мешающие его разбегу.

Долина Лос-Эрманос начинается в том месте, где Гвадалквивир выбегает на равнину. Долина получила свое название от трех братьев, которых жажда разбоя объединяла гораздо больше, чем кровное родство. Место это долго было ареной их злодеяний. Из трех братьев двоих поймали, и в том месте, где начиналась долина, можно было видеть тела их, качающиеся на виселицах; третий же, по имени Зото, бежал из тюрьмы в Кордове и, говорят, укрылся в горах Альпухары.

Удивительные вещи рассказывают о двух повешенных братьях. Их не называют прямо оборотнями, но утверждают, что часто по ночам тела их, оживленные нечистой силой, сходят с виселиц и преследуют живых. Эта история почитается столь достоверной, что один богослов из Саламанки написал обширный трактат, где доказывал, что висельники являются чем-то вроде вампиров, что подтверждается многочисленными примерами, которые убедили в конце концов даже самых недоверчивых. Ходили также слухи, будто эти двое были осуждены невинно и, мучая путников и проезжих, мстят за себя с позволения неба. Я много слышал об этом в Кордове и, подстрекаемый любопытством, подъехал к виселице. Зрелище было тем более отталкивающим, что, когда ветер шевелил мерзкие трупы, свирепые коршуны принимались раздирать им внутренности и склевывать последние остатки тела. Я с отвращением отвернулся и пустился в горы.

Надо признать, что долина Лос-Эрманос, казалось, была создана для разбойничьих нападений, предоставляя преступникам повсюду укрытия. На каждом шагу путник

встречал препятствия в виде обвалившейся скалы или вывороченного бурей векового дерева. Во многих местах дорога пересекала русло потока и проходила мимо глубоких пещер, зловещий вид которых не внушал доверия.

Миновав эту долину, я вступил в другую и увидел трактир, где мне предстояло искать приюта, но вид его уже издали не сулил ничего хорошего. Я заметил, что у него нет ни окон, ни ставен, дым не шел из трубы, вокруг — ни малейшего движения, и прибытие мое не было ознаменовано собачьим лаем. Отсюда я сделал вывод, что это место из числа тех, о которых андухарский трактирщик говорил, как о раз и навсегда оставленных.

Чем ближе подъезжал я к трактиру, тем глубже казалась мне тишина. Наконец, подъехав вплотную, я увидел у входа кружку для сбора милостыни с такой надписью: «Господа путешественники, помолитесь за душу Гонсалеса из Мурсии, бывшего хозяина Вента-Кемады. Но самое главное — не задерживайтесь здесь и ни в коем случае не останавливайтесь на ночлег».

Я решил смело ждать опасностей, которыми грозила надпись, — отнюдь не потому, что не верил в существование привидений, а, как покажет дальнейшее повествование, потому, что в моем воспитании больше всего усилий было направлено на то, чтоб выработать во мне чувство чести, а честь, по-моему, заключается в том, чтобы никогда не обнаруживать боязни.

Солнце еще не совсем зашло, и я воспользовался последними его лучами, чтоб осмотреть это жилье, по правде говоря, не столько для того, чтоб оградить себя от адских сил, сколько чтоб отыскать что-нибудь съестное, так как теми крохами, которые я нашел в Лос-Алькорнокес, едва можно было на короткое время заморить червячка, но ни в коем случае не утолить мучивший меня голод. Я прошел несколько просторных комнат. Большая часть их была украшена мозаикой до высоты человеческого роста, потолки покрывала великолепная резьба, какой в свое время по праву гордились мавры. Я осмотрел кухню, чердак и погреб — последние были высечены в скале, а некоторые из

них соединены с подземельями, уходившими, видимо, далеко в глубь гор, — но ничего съестного не нашел. Наконец, когда уже начало смеркаться, я вернулся к лошади, которая все это время стояла привязанная во дворе, отвел ее на конюшню, где увидел охапку сена, а сам пошел в ту комнату, где стояла жалкая кровать, единственное ложе, оставшееся во всем трактире. Попробовал заснуть, но безуспешно, и тут, как назло, обнаружилось, что я не могу найти не только пищи, но и света.

Чем темней становилась ночь, тем все более мрачный оттенок приобретали мои мысли. Я думал то о внезапном исчезновении обоих моих слуг, то о том, как подкрепить свои силы. Мне приходило в голову, что грабители, неожиданно выскочившие из кустов или какого-нибудь подземного укрытия, схватили Лопеса и Москито, а на меня побоялись напасть, видя, что я — человек военный и что это отнюдь не сулит им легкой победы.

Больше всего меня занимала мысль о том, как бы утолить голод; на горах я видел коз, при них, конечно, должен быть и пастух, и трудно представить себе, чтоб у него не нашлось молока и хлеба. Кроме того, я рассчитывал на свое ружье. Но ни за что на свете не вернулся бы я в Андухар, опасаясь насмешливых расспросов трактирщика. И я твердо решил без колебаний продолжать свой путь дальше.

Когда со всеми этими размышлениями было покончено, я не мог не вспомнить известной истории о фальшивомонетчиках и многих других в таком же роде, которые мне рассказывали на сон грядущий в детстве. Приходила в голову надпись на кружке для сбора милостыни. Я не допускал мысли, чтобы трактирщику свернул шею дьявол, но не мог найти объяснения его печальному концу.

Так в мертвой тишине протекал час за часом, как вдруг я вздрогнул от неожиданного звона колокола. Я насчитал двенадцать ударов, а, как известно, злые духи имеют власть только от полуночи до первого пенья петуха. Как было не изумиться, если до этого часы ни разу не били, — и бой их произвел на меня зловещее впечатление. Вскоре дверь в комнату открылась, и я увидел на пороге черную, но от-

нюдь не страшную фигуру; это была красивая полунагая негритянка с двумя факелами в руках.

Негритянка подошла, отвесила мне глубокий поклон и обратилась ко мне на чистом испанском языке с такими словами:

— Сеньор кавалер, две иностранки, остановившиеся на ночлег в этом трактире, просят тебя провести вечер в их обществе. Не угодно ли следовать за мной?

Я поспешил за негритянкой и, пройдя несколько коридоров, оказался в ярко освещенной зале, посреди которой стоял стол с тремя приборами, уставленный японским фарфором и графинами из горного хрусталя. В глубине залы возвышалось роскошное ложе. Несколько негритянок сновали туда и сюда, наводя порядок, но вдруг они почтительно расступились, образовав два ряда, и я увидел двух входящих женщин; лица их, цвета розы и лилии, чудно оттенялись эбеновым цветом прислужниц. Молодые женщины держали друг друга за руку. Одеты они были немного странно, по крайней мере, мне так показалось, хотя впоследствии, в дальнейших моих странствиях, я убедился, что это был обычный наряд, распространенный на берберийских побережьях. Он состоял, по существу, только из рубашки и корсажа. Верхняя половина рубашки была полотняная, а от пояса — из мекинесского газа, материи, которая была бы совершенно прозрачной, если бы широкие шелковые ленты, друг с другом соприкасаясь, не скрывали прелестей, находившихся под этим легким покровом. Корсаж, богато расшитый жемчугом и украшенный алмазными застежками, тесно охватывал грудь, а рукава рубашки, тоже газовые, были пристегнуты на плечах. Драгоценные браслеты покрывали их руки у запястий и выше локтей. Ножки незнакомок, ножки, повторяю, которые, принадлежи они злым духам, конечно, были бы кривые и оснащены когтями, были обуты в вышитые восточные туфельки, едва скрывавшие маленькие пальчики. На щиколотках у незнакомок сияли бриллиантовые браслеты.

Незнакомки подошли ко мне с приветливой улыбкой. Обе были несравненные красавицы, каждая в своем роде.

Одна — высокая, стройная, яркая, другая — нежная, робкая. Фигура и черты старшей с первого взгляда поражали своей правильностью. У младшей, полненькой, были пухлые губки, а прищуренные глаза оттенены необычайно длинными ресницами. Старшая обратилась ко мне на чистейшем испанском языке с такими словами:

— Сеньор кавалер, спасибо тебе за любезность, с которой ты пожаловал на наш скромный ужин. Я думаю, он будет нелишним...

Она произнесла это с такой улыбкой, что я подумал, уж не по ее ли приказу был уведен мой мул с провизией. Но сердиться не приходилось — ущерб был щедро восполнен.

Мы сели за стол, и та же незнакомка промолвила, придвигая ко мне блюдо из японского фарфора:

— Сеньор кавалер, это — оляя подрида, приготовленная из мяса всякого рода, кроме одного, так как мы — правоверные, или, говоря точнее, мусульманки.

— Прекрасная чужеземка, — ответил я, — ты, безусловно, очень точно выразилась. Кому же более пристало говорить о верности? Ведь это религия искренне любящих сердец. Однако, прежде чем утолить мой голод, не откажите в любезности сделать то же самое с моим любопытством — скажите, кто вы?

— Кушай, сеньор кавалер, — возразила прекрасная мавританка. — У нас нет от тебя никаких тайн. Меня зовут Эмина, а сестру мою — Зибельда; мы живем в Тунисе, но семья наша родом из Гранады, и некоторые наши родственники остались в Испании, где тайно исповедуют веру отцов. Неделю тому назад мы покинули Тунис и высадились на пустынном берегу возле Малаги. Потом перевалили горы между Лохой и Антекерой и, наконец, приехали сюда, чтобы переодеться и уйти от поисков. Как видишь, сеньор, наше путешествие — большая тайна, которую мы вверяем твоей порядочности.

Я уверил прекрасных путешественниц, что меня им нечего опасаться, и стал подкреплять свои силы; ел я с некоторой жадностью, однако не без вынужденного изящества,